

Корейские междометия и звукоподражания в русских текстах

© кандидат филологических наук *Е. Н. Филимонова, 1999*

Общеизвестно, что звукоподражания и междометия, встречающиеся в художественных переводах, как правило, рассчитаны на определенный стилистический эффект. Переводчик сохраняет их, ибо “нельзя перевести или заменить звукоподражательный ряд, возникший в единичном случае, специально созданный для передачи того или иного природного звучания; здесь возможна только фонетическая транскрипция” (Левый 1974, 126).

Звукоподражания корейского языка в определенной мере рассмотрены в ряде работ зарубежных лингвистов (см., например, Martin 1962, 177-189).

Не является новостью также и тот факт, что представители разных народов воспроизводят те или иные звуки живой и неживой природы по-разному. “Разница здесь в национальной традиции” (Влахов, Флорин 1986, 314). Так, для русского петух кричит – “кукареку”, а для корейца – “**кокио**”.

Небольшой перечень подобных звукоподражаний (ономатопей) даст более яркое представление о национальных различиях двух народов (русского и корейского):

	русск.	корейск.
собака	гав-гав	мон-мон
кошка	мяу-мяу	яу-яу
лошадь	иго-го	яон-яон
свинья	хрю-хрю	куль-куль
коза	ме-е	оме-е
корова	му-му	ыма-ыма

Механические или технические звуки:

	русск.	корейск.
шум, вызванный ударом или выстрелом	трах! бах!	кван

щелканье ножниц	чик-чик	сак-сак
звук пилы	вжик-вжик	сык-сак
звук, вызванный ударом предмета о воду	бух! бултых! бульк!	тхом-будон
подражание звуку звонка	дзинь	тан
подражание стуку в дверь	тук-тук	ток-ток

Как видно из примеров, русские и корейские звукоподражания сильно отличаются друг от друга. Наличие национального колорита сближает их с экзотизмами. Следует заметить, что подобные, по выражению С. Влахова и С. Флорина, “фонетические “изображения” нечленораздельных звуковых явлений” (Влахов, Флорин 1986, 315) встречаются в художественных переводах с корейского не часто.

В корейских переводах встречаются в основном общепринятые ономапопей, такие “как их слышат все члены данной языковой общности” (Там же, 316).

Примерами общепринятых ономапопей являются подражание звуку пилы, колокола, часов, удара камня о камень, удара топора, сталкивающихся фишек при игре в **чанги** (корейские шахматы), вертящейся катушки и др., которые активно используются в современном корейском языке, и архаичное подражание звуку наматываемой якорной цепи, всплеску весел, треску при поломке чего-либо.

“Пак Чем Ди громко запел: **Шрыы-рын, шрыы-рын, сык-сак!** // Новая тыква распилена”. (Ли Ги Ен 1958, 71); “Тут как раз прозвенел колокол: “**Тэн! Тэн!**” (“Верная Чхун Хян” 1990, 102); “Комнатные часы проббили одиннадцать. **Тан! Тан!**” (Кан Гён Э 1955, 179); “Цзян Тайгун из камня сделал ступу. // **Ттольккудон** – по ней ударит пестик, // **Ттольккудон** – в ушах твоих раздастся...” (“Верная Чхун Хян” 1990, 49); “**Чак-чак!**” – стучат топоры по стволам” (Сон Хён 1994, 62); “Когда затихал звук сталкивающихся фишек “**тук-так, тук-так**”, подавалась вкусная лапша” (Ким Ён Чоль 1991, 16); “Катушка, катушка, лучше вертись! **Пхин, пхин**, лучше вертись” (Кан Гён Э 1955, 249); “...Одно море неизменно. **Чигукчхон, чигукчхон осава!**” (Юн Сон До. Цитируется по книге “Корея. Справочник” 1993, 196).

“**Чигукчхон, чигукчхон**” передает звук, с которым наматывается цепь, а “**осава**” – ритмический всплеск весел.

В современном корейском языке звукоподражание **чигучхон, чигучхон осав** преобразовалось в **цигодон, цигодон осся** и активно используется в современной корейской речи.

Наряду с механическими и техническими звуками в текстах переводов встречаются звукоподражания, передающие звучание различных национальных инструментов.

“Положив на колени **комунго** из утуна, она стала наигрывать мелодию в тоске ожидания. Она играла – // **тан-джи-дон-дун-дун-чидон-дон-дан-сыл-гэн-прит-тхут...**” (“Чхунхянджон квонджитан” 1968, 30).

Эта ономотопея – подражание звуку корейского национального струнного музыкального инструмента – **комунго**.

“В длинных одеждах и шапочках, с гонгами, деревянными колотушками, бамбуковыми трещотками и цимбалами, собрались они для общего моления. **Ту-ри-гун-гун**, – раздался удар барабана. **Кван-кван**, – ответил гонг. **То-до-рак**, – отозвались деревянные колотушки. **Чхаль-халь**, – послышался звук бамбуковых трещоток. **Ттан-ттан**, – прогудел металлический гонг. **Чхоры-ры-ры**, – вторили ему цимбалы” (“Верная Чхун Хян-2” 1954, 151); “Мореходы ударяли палочками в барабаны: **гун-дун, гун-дун, тури-дун-дун**” (“Подвижница Сим Чхон” 1990, 229).

Что же касается междометий, “спонтанных, членораздельных звукосочетаний” (Влахов, Флорин 1986, 318), служащих для выражения чувств и волевых побуждений, то они довольно часто используются переводчиками, так как такие корейские междометия, как **ай-гу, ой-ой-ей, хойса, олсигу чолангу** и др. придают тексту перевода весьма яркий национальный колорит.

подавляющее большинство междометий, встречающихся в текстах переводов, – это эмоциональные и эмоционально-оценочные междометия.

Среди семантически однозначных междометий в текстах переводов чаще других встречается междометие **ай-гу**, которое выражает отрицательные эмоциональные реакции: сожаления, горечи, испуга, боли, горя и т.п.

“– **Ай-гу!** Если так будет продолжаться нам беды не миновать, – нарушила гнетущее молчание Сюзанна...” (“Тайное письмо” 1960, 133); “Вступив во двор, они увидели, что хозяйева и их родственники в траурных одеждах, с траурными клюками в руках стоят на коленях, грудью опираясь на клюки, и разноголосом, с завываниями причитают: – **А-и-го, а-и-го!** (Ли Ги Ен 1958, 95).

Семантически однозначное междометие **олсигу чольсигу (чолангу)** – радостный возглас, крик одобрения, обычно произносимый во время исполнения песни или танца. (см. об этом Самсонбан 1986, Т.1, 1134).

“Посмотрите на Хынбу! Пустившись в пляс, он напевает: – **Ольсигу чольсигу чотха!** // **Чихваджа чольсигу!** // Слушайте, добрые люди!” (“Братья Хынбу и Нольбу” 1990, 141).

“Сам Су начал петь... – **Олсигу чолангу!** Эх, теперь бы хорошо сплясать! – раздались возгласы, и уже многие задвигали плечами.” (“Молодость в пути” 1961, 72-73).

Среди междометий, однозначно выражающих положительные эмоции в текстах произведений, встречается и такое, как **хой-са**, выражающее восторг, радостное возбуждение (обычно во время танца).

“Пак Чем Ди закончил вступление и жена его, улыбнувшись мужу, воскликнула: – **Хой-са**, хо-о-о-ро-шо! – и ударила по черпаку” (Ли Ги Ен 1958, 71).

Междометие **ой-ой-ей** выражает восхищение, восторг.

“Вот я и говорю... Куак-сан ... виноват, Куак-хён – **ой-ой-ей**, какой силач!” (Ли Ги Ен 1958, 150).

Семантически однозначное междометие **мансэ**, выражающее ликование, по сравнению с другими междометиями, отличается высокой частотностью употребления в русских переводах с корейского – текстах разного жанра.

“Увидев корабль нового правителя, все с громогласным **мансэ** устремились к нему, дабы получше разглядеть своего господина” (“Повести страны зеленых гор” 1966, 201).

“В 4 часа 45 минут дня, наконец, пароход убрал трап. Минута отплытия. Громкие возгласы: **Мансэ! Мансэ!**” (Масацугу 1977, 285).

Корейское междометие **ай-ай-ай** с семантически диффузными функциями передает общее состояние возбуждения и потому может использоваться для выражения разнородных душевных состояний, таких как сожаление, раскаяние, порицание, радостное удивление.

“**Ай-ай-ай!** – заволновалась она. – Солнце садится, а у меня еще ничего не готово, хоть бы скорее пришла Ен Ок и помогла” (Юн Се Дюн 1960, 67); “Голос как будто знакомый, но догадаться сразу трудно. – Простите, я что-то не узнаю вас. – **Ай-ай-ай!** Стыдно забывать старых друзей. Ведь то я, Дэ Чун” (Там же, 219); “– Что это сон или явь? Если сон – лучше не просыпаться, если явь – пусть так и будет навсегда! **Ай-ай-ай-ай**, вот чудеса!” (“Верная Чхунхян” 1954, 184).

В русских переводах средневековых хянга и сиджо встречается междометие **Ая!** с диффузными оттенками значения: сожаления, грусти или радостного возбуждения.

“**Ая!** В мире Амитабы встретимся, // Подожди я сделаю ровным [свой] путь (“Самгук юса”, цитируется по книге: Никитина 1982, 22); “**Ая!** Только это высокий холм добра – // Он [ведь] не [тот знатный дом], // куда [не каждому дано] войти” (Там же, 61); “**Ая!** Мы всегда должны руководствоваться словами Бохёнбосса. // Другого не дано” (Ким Джун Нён 1993, 195).

Среди междометий, обслуживающих сферу волеизъявлений, выражающих обращенные к людям или животным команды и призывы, в текстах переводов активнее других встречается междометие **ирра-а**, побуждающее лошадь или вола к действию, а также междометие **хей**, побуждающее к прекращению действия (ср. русск. *кыш*).

“Зычным голосом Пак Чем Ди запел: “**Ирра-а, ирра-а, ирра-а!** Эй, шевелись-ка, мой вол!” (Ли Ги Ен 1958, 292); “**Ирра, Ирра!** – погонял вола Куак Ба Ви”. (Ли Ги Ен 1958, 292); “**Хей, хей!** – голос мамы, гонявшей сорок во дворе, был полон грусти...” (Ким Ён Чхоль 1991, 7).

В оригинальных текстах на тему о Корее и корейцах иногда можно встретить и междометия, обслуживающие сферу этикета. К ним относятся традиционные, в разной степени утратившие знаменательность изъяснения благодарности, приветствия и т.д. такие как **аннёнхасеё** ‘здравствуйте’, **комапсымнида** ‘спасибо’, **аннёнхи гасеё** ‘до свидания’ и т.д.

“Тогда я впервые корейскими словами, выученными в Ниигата, в душе говорил, обращаясь к репатриантам: “**Аннёнхи гасипсио!**” (Прощайте)” (Масацугу 1977, 287).

“Три корейских слова освоил за неделю, так, что произношу теперь без запинки: **аннёнхасеё** – здравствуйте, **комапсымнида** – спасибо, **аннёнхи касеё** – до свидания”. (“Известия” от 21.05.96, 5).

В Корее широко распространены песни, в которых в каждой строке повторяются частицы, имеющие ритмическую функцию. Это нашло отражение в корейских художественных произведениях.

“**Нане-нане-нане! Кхэчжина-чхин-чхин-нане!** // В небе много звезд! **Кхэчжина-чхин-чхин-нане!** ...” (цитируется по: Троцевич 1959, 71); “Появилась я на этот свет // Одинокая и всем чужая. // **Ай, тон-дон-дари!** (“Корейская классическая поэзия” 1956, 21); “В ночь осеннюю луна – // **Дон-дун-дон,** // В темном небе так ясна – // **Дон-дон-дон...**” (Кан Гён Э 1955, 212); “Этот нарядный город – // Малый Согён – столи-

ца. // **Ви, туоронсон, таринтири!**”; “Лучше, ягодой питаюсь, // На горах зеленых жить. // **Ялли, ялли, яллансон, // Ялляри, ялля**” (“Корейская классическая поэзия” 1956, 27; 30).

Форму народных трудовых песен имеет песня крестьян в средневековых повестях, в частности о верной Чхун Хян. Во многих из них повторяется припев, состоящий из междометий, ритмических частиц. Это также нашло отражение в корейских литературных произведениях.

“Песню Санса слушать хорошо! // **Е-е-ехеро! Сансатвийо!** // Это поле засадим, то поле засадим! // **Е-е-ехеро! Сансатвийо! ...**”; “**Ойро! Сансатвийо!** // Когда мир был спокоен на тысячи ли, // Государя нашего высокие добродетели // Достойны были добродетелей государя Яо, // Слушавшего песни при луне на мирных дорогах. // **Ойро! Сансатвийо!** (цитируется по: Троцевич 1959, 74-75).

Национальную окраску имеет и трудовой выкрик: **Я-хо**, схожий с русским *Эй, ухнем!*, *Раз-два взяли!*

“**Я-хо!** – раздевшись, кричат дровосеки” (Сон Хён 1994, 62).

Как видно из вышеприведенных примеров, ономапии и междометия, встречающиеся как в оригинальных текстах, так и текстах переводов с корейского, придают тексту произведения яркий национальный колорит.

Звукоподражания и междометия, встречающиеся в художественных переводах, рассчитаны на стилистический эффект. Наличие национального колорита у звукоподражаний и междометий сближает их с экзотизмами. В русских текстах встречаются звукоподражания, передающие механические, технические звуки, а также звучание различных корейских национальных музыкальных инструментов.

подавляющее большинство междометий, встречающихся в переводных с корейского языка текстах, – это эмоциональные и эмоционально-оценочные междометия. Некоторые междометия семантически однозначные, могут выражать положительные или отрицательные эмоции. Другие междометия выступают с семантически диффузными функциями.

Большинство переводчиков с корейского не заменяет корейские междометия и звукоподражания на русские, а транскрибирует их, тем самым давая почувствовать русскоязычному читателю разницу традиций, специфику воспроизведения звуков живой и неживой природы, различия в выражении тех или иных эмоций. Все это придает тексту перевода национальную специфичность и повышает интерес читателей к переводным произведениям.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 7. – 136 с. ISBN 5-89209-383-2

Л и т е р а т у р а

- Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 387 с.
- Братъя Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990. С.113-190 (Перевод А. Васильева).
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990.
- Кан Гён Э* Проблема человечества. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955 (Перевод А. Артемьевой).
- Ким Ен Чоль* В любви и бизнесе нет границ. Рассказы о моей молодости и автомобиле “Пантера”. М.: Известия, 1991 (Перевод А. Наумчика).
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956 (Перевод А. Ахматовой).
- Ли Ги Ен* Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1958 (Перевод Е. Те, Ю. Карасева)
- Масацугу М.* Путешествие по Корее. Пхеньян: Изд-во лит. на ин. яз., 1977.
- Молодость в пути. Сб. рассказов. М.: Изд-во иностр. лит., 1961 (Перевод В. Ли).
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1966 (Перевод Г. Рачкова, А. Артемьевой и др.).
- Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхунхян // Корейские повести. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. С.75-189 (Перевод А. Троцевич).
- Подвижница Сим Чхон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990. С.193-252 (Перевод Г. Рачкова и Лим Су).
- Сон Хён* Гроздь рассказов Ён Чжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр Петербург. Востоковедение, 1994. Вып. 5. С.25-109 (Перевод Д. Елисеева).
- Тайное письмо. Рассказы корейских писателей. М.: Детгиз, 1960 (Перевод Е. Тё).
- Троцевич А.Ф.* Особенности языка и стиля “Повести о Чхун Хян” // Корейская литература. Сб. статей. М.: Изд-во восточ. лит., 1959, с.62-88.
- Чхунхян Джон Квонджитан. (Краткая повесть о Чхунхян). Факсимиле ксилографа. М.: Изд-во восточ. лит., 1968 (Перевод А. Троцевич).
- Юн Се Дюн* Испытание. М.: Молодая гвардия, 1960 (Перевод Д.Усатова).
- Martin S.* Phonetic symbolism in Korean // American studies in Altaic linguistics. Bloomington. 1962. p.177-189.